

Политические позиции и культурный капитал

1971

Габитус. Культурный капитал

Политическая наука достаточно давно зафиксировала факт, что значительная часть опрошиваемых воздерживается от ответов на вопросы о политике, и что эти «неответы» варьируют в значительной мере в зависимости от пола, возраста, уровня образования, профессии, места жительства и от политических тенденций, но из этого не делалось никакого вывода, и наука довольствовалась сожалениями по поводу таких досадных отказов. Достаточно заметить, что это «болото» образуется в большой мере из тех, кого принято называть «народ» или «массы», чтобы усомниться в роли, которую они выполняют в функционировании «либеральной демократии», и в участии, которое они принимают в поддержании установленного порядка. Уклонение от ответа является, быть может, не столько упущением системы, сколько одним из условий её функционирования как незамеченной, и следовательно, признанной, цензовой системы.

Следует усомниться и в самом понятии «личное мнение»: так, в опросах общественного мнения, где суммируются все опрошенные без различия, намерение высказывать «личное мнение» прослеживается в анкетах через все эти «по Вашему мнению...», «как Вы думаете...», «по Вашему...», или когда выбирают самостоятельно, без посторонней помощи одно из нескольких готовых мнений. Опросы общественного мнения скрыто принимают политическую философию, которая из политического выбора делает собственно политическое суждение, применяя политические принципы, чтобы ответить на проблему, воспринимаемую как политическая, то есть, философию, признающую за всеми не просто право, но власть высказывать такое суждение. Социальная история понятия «личное мнение» могла бы, конечно, показать, что это изобретение XVIII века берёт своё начало в рационалистической вере, согласно которой способность «судить верно», как говорил Декарт, то есть отличать внутренним, спонтанным и непосредственным чувством хорошее от плохого, правду от лжи, есть универсально применимая всеобщая способность (как и способность эстетического суждения у Канта), — даже если мы согласимся с тем, что всеобщее образование, особенно начиная с XIX века, необходимо для полного развития этой способности и обоснования действительно универсальной способности суждения — всеобщего избирательного права. Идея «личного мнения» может быть отчасти обязана своей очевидностью тому, что сформулирована в противовес притязанию церкви на монополию производства легитимных суждений, средств производства суждений и

производителей суждений. Идея «личного мнения» неотделима от идеи толерантности, — оспаривания любого авторитета во имя убеждения в том, что ценятся все мнения вне зависимости от того, кто их произвёл. Эта идея выражает с самого начала интересы интеллектуалов, независимых малых производителей мнения, чья роль растёт параллельно со становлением поля специализированного производства и рынка продуктов культуры, и далее, со становлением субполя, специализированного на производстве политических мнений (пресса, партии и все представительные инстанции).

Ответ на вопрос в анкете о политике так же, как и участие в голосовании, или на другом уровне участия) чтение в газетах об опросах общественного мнения или вступление в партию — это частный случай встречи спроса и предложения. С одной стороны, поле идеологического производства — относительно автономный мир, где вырабатываются в конкуренции и конфликте инструменты осмысления социального мира, объективно имеющиеся в наличии в данный момент времени, и где, в то же время определяется поле политически мыслимого, если угодно, легитимная проблематика [1]. С другой стороны, — социальные агенты, занимающие различные позиции в поле классовых отношений, и определяемые по более или менее значительной специфической политической компетенции, то есть по более или менее выраженной способности признавать политические вопросы именно как политические и трактовать их как таковые, давая на них политический ответ и исходя из чисто политических принципов (а не из этических, например); способности, которая неотделима от более или менее глубокого ощущения быть компетентным в полном смысле этого слова (Компетенция (фр. *compétence*) — имеет во французском языке два смысла: первый — атрибуция: ведение, компетенция (иметь что-либо в своём ведении, быть по части чего-либо, это не в моей компетенции...); второй — квалификация: осведомлённость, компетентность. Следует упомянуть также однокоренные слова *compétitif* — конкурентоспособный и *compétition* — состязание, соревнование, конкуренция, борьба. — Прим. пер.), а значит — социально признанным в качестве правомочного заниматься политическими делами, давать своё мнение по этим вопросам или даже менять их курс. В действительности можно предположить, что компетенция в смысле технической квалификации (политической культуры) меняется на компетенцию в смысле квалификации социально признанной, как полагающиеся атрибут и атрибуция, универсальность которых есть одновременно их немощность, объективное («это не моё дело») и субъективное («это меня не интересует») устранение [2].

Несомненно, не существует более радикальной постановки проблемы политики, чем та, в которой Маркс и Энгельс ставят вопрос о способности к художественному производству, помещая его в разряд политических. Анализируя концентрацию способности к художественному производству в руках нескольких индивидов и соответствующее (или даже вытекающее из этого факта) обделение масс, Маркс и Энгельс изображают общество (коммунистическое), где «не существует живописцев, существуют лишь люди, которые занимаются и живописью как одним из видов своей деятельности» [3] и где, благодаря развитию производительных сил, общее уменьшение рабочего дня (соотносящееся с общим сокращением и с равномерным распределением рабочего времени) позволяет получить «вполне достаточно свободного времени, чтобы принимать участие в общих делах общества, как теоретических, так и практических» [4]. Нет политиков, но всё больше появляется людей, которые, между прочим, занимаются и политикой. Утопия в этой области,

как и в других, находит своё научное (и, конечно, политическое) оправдание в совершаемом ей подрыве очевидных истин, который вынуждает прояснить допущенное ранее из общих соображений.

В действительности, популистская снисходительность, несмотря на своё благородное обличье, которое ставит её в положение, диаметрально противоположное элитистским изобличениям всеобщего избирательного права (чем интеллектуалы и художники в другое время охотно поступаются), приписывая народу врождённое знание политики, тем самым не менее способствует закреплению концентрации в нескольких индивидах» способности производить речи о социальном мире и, через это, способности, сознательного воздействия на этот мир, скрывая эту концентрацию вместо того, чтобы открыто говорить о ней или изобличать её. Утопический парадокс разбивает доксу: изображая социальный мир, где «в каждом человеке спит Рафаэль», который мог бы осуществиться в живописи или в политике, этот парадокс заставляет обнаружить, что концентрация средств (инкорпорированных или объективированных) присутствует в политике едва ли в меньшей степени, чем в искусстве, и не даёт забыть о всех спящих Рафаэлях лучше, чем все «идеологические аппараты государства» — механизмы, ответственные за эту монополию.

Идеализированному народу лишь приписывалось знание любой практики, кроме практики социального мира как такового, по меньшей мере кроме знания его позиции и его интересов в этом мире. Следовало бы рассмотреть, может ли и каким образом политическое чувство выражаться в речах, похожих на правду, которую оно на практике скрывает в себе, и может ли, таким образом, политическое чувство становиться основанием для сознательного действия [5] и, через власть мобилизации, заключённую в эксплицитном толковании, для действительно коллективного действия. Или же, чтобы быть ближе к правде, существует ли на самом деле этот сорт верного чутья, каким его иногда представляют, позволяющий, по крайней мере, обнаружить продукты, наиболее приспособленные к рынку речей, произведённых и предлагаемых держателями средств производства легитимных проблем и мнений [6].

Ценз и цензура

Серьёзное рассмотрение «неответов» и их вариаций, то есть наиболее важной информации, получаемой в опросах общественного мнения, заставляет заметить, что вероятность иметь то или иное мнение, которая связана с определённой социальной категорией (и передаётся через частоту, с которой члены этой категории выбирают ту или иную предлагаемую позицию в анкете), является всего лишь условной вероятностью, то есть вероятностью, с которой событие происходит при условии, что произойдёт другое событие, в частном случае, выражение мнения, а не получится чистое и полное отсутствие ответа. Адекватно интерпретировать, дойти до объяснения полученных в опросе мнений, можно лишь при условии, если держишь в голове, что эти мнения зависят в своём существовании и значении от вероятности (абсолютной) выразить мнение, которая варьирует (в не менее значительной мере, чем условная вероятность выразить то или иное частное мнение) в зависимости от особенностей респондентов, а также от особенностей вопроса или, точнее, в зависимости от связи между особенностями вопроса и особенностями респондентов. Эта связь, более

сильная для мужчин, тем для женщин, будет тем больше, чем респондент моложе, чем в более населённом городе он проживает в особенности, если проживает в Париже), чем выше то образовательный капитал (измеряемый типом имеющегося диплома), чем значительнее размеры его экономического капитала (измеряемого доходом) и чем более высока его социальная позиция. Колебания, связанные с этими переменными, тем значительней, чем более далеки поставленные в опросе проблемы от жизненного опыта респондента, чем более они абстрактны и оторваны от повседневной реальности по своему содержанию и выражению (а также — но это уже второстепенно — чем «свежее» их появление на поле идеологического производства) и чем с большей настойчивостью они вызывают в ответу, порождённому чисто политическими принципами, что замечается по синтаксису и самой лексике поставленного вопроса.

Всё происходит так, как если бы наиболее «легитимные» агенты, иначе говоря, наиболее компетентные в двойном смысле этого слова, были бы и чувствовали себя тем более легитимными, то есть одновременно подчинёнными общественному мнению и апеллирующими к нему, чем более «легитимными» являются поставленные проблемы. Следует также отметить, что те, кто не может ответить на вопрос о своей политической принадлежности или приверженности (через указание на наиболее близкую им партию), в наибольшей степени склонны оставлять без ответа и другие вопросы; это тем заметнее, чем более очевидно поставленный вопрос находится в сфере профессиональной политики. Так, в опросе, проведённом SOFRES (Французское общество социальных исследований и опросов. — Прим. пер.) когда респондентам задавался вопрос «Должна ли Франция помогать «бедным» странам?», частота ответов у респондентов, квалифицированных как «умеренные», была не намного меньше (81%), чем у респондентов, назвавших себя близкими к крайне-левым (91%), левым (90%), центристам (86%), правым (93%) или крайне-правым (92%). И напротив, когда у них спрашивали о том, должна ли Франция интересоваться странами, имеющими демократический режим, умеренные отвечали заметно реже (51%), чем те, кто причислил себя к крайне-левым (76%), к левым (67%), к центристам (75%), к правым (70%) или к крайне-правым (74%) [7].

Как бы то ни было, можно представить себе достаточно чётко собственный эффект связи между компетенцией респондента (в двойном смысле), предметом и формой вопроса, рассматривая расхождения между процентом не ответивших, например, среди мужчин и среди женщин, в одном и том же опросе (Опрос был проведён в феврале 1971 года фирмой SOFRES по проблемам, касающимся Франции, Алжира и стран третьего мира. — Прим. пер.) и по одной и той же анкете, когда кроме пола все остальные параметры одинаковы. Прежде всего констатируем, что женщины отвечают почти с той же частотой на вопросы «Делает ли Франция достаточные или недостаточные усилия, чтобы дать иностранным рабочим возможность найти жилье?» (85% для тех и других); «... чтобы дать им образование?» (70% против 75%), «... чтобы принять их гостеприимно?» (80% против 83%), «... чтобы дать им подходящую зарплату?» (77% против 83%), которые читателю представляются скорее этическими, и в которых, в соответствии с традиционной моралью, женщины более компетентны. Те же женщины, будучи поставлены перед проблемами более выраженного политического характера, склонны отвечать значительно меньше: среди них лишь 75% (против 92% среди мужчин) ответили на вопрос о «продолжении политики сотрудничества с Алжиром», когда проблема — и сам вопрос говорит об этом — касается чистой политики,

иностранных дел, и когда она более далека от конкретного опыта, чем внутренняя политика, в особенности, когда вопрос ставится, как в этом случае, вне всяких этических оценок («По поводу франко-алжирских отношений, считаете ли Вы желательным, чтобы Франция продолжала политику сотрудничества с Алжиром?»)

На самом деле, достаточно перенести абстрактную проблему сотрудничества в плоскость этических проблем, точнее благотворительности, которую традиционное разделение труда между полами предоставило женщинам — «специалистам» по сердечности и чувствительности (допустим, «Должна ли, по Вашему мнению, Франция особо интересоваться среди стран «третьего мира» теми, которые наиболее бедны?»), чтобы женщины отвечали на вопрос в той же пропорции, что и мужчины, то есть в 88% случаев. Но стоит ввести этот вопрос в более специфически политическую или политологическую форму, используя абстрактный лексикон, напоминающий различным группам о различной реальности, например, спрашивая, должна ли Франция интересоваться «странами с демократическим режимом», и доля ответивших женщин снова очень сильно сокращается, падая до 59% против 74% ответивших мужчин.

В общем виде, чем более вопрос направлен на проблематику; затрагивающую повседневное существование или частную жизнь, или имеющую отношение к домашней морали, например, всё то, что касается жилища, пропитания, воспитания детей, сексуальности и тому подобного, тем более сокращается и иногда стирается разрыв, отделяющий мужчин от женщин и менее образованных от более образованных.

Таким образом, вероятность получить ответ определяется каждый раз в зависимости от вопроса (в более общем виде, — от ситуации) и от агента (от класса агентов), определённого по полагающейся ему компетентности — квалификации, которая сама зависит от шансов получить эту квалификацию. Интерес или безразличие к политике можно было бы понять лучше, если бы мы умели видеть, что тяга к использованию политической «власти» (власти избирать, рассуждать о политике, заниматься политикой) находится в зависимости от реальности получения этой власти, а безразличие к ней, если угодно, есть лишь демонстрация бессилия [8].

Личное мнение

Ницше в некоторых работах высмеивает ученический культ «башни из слоновой кости», а было бы нелишне даже просто полностью описать ансамбль институциональных и, в особенности, интеллектуальных и образовательных механизмов, которые способствуют поддержанию культа и культуры «личности», этого ансамбля личностных особенностей, исключительности, уникальности, оригинальности, как «личных представлений», как «личного стиля» и, сверх того, любого «личного мнения». Так, можно было показать, что противопоставления между редким, изысканным, избранным, уникальным, исключительным, непохожим, незаменимым, несравнимым, оригинальным и общим, вульгарным, банальным, перенятым, обыкновенным, средним, обычным, тривиальным, со всеми примыкающими сюда противопоставлениями, между звёздами и терниями, утончённостью и грубостью, рафинированностью и резкостью, благородством и низостью, —

все эти противопоставления являются одним из основополагающих измерений моральной и эстетической лексики буржуазии (другие организуются вокруг противопоставления достатка и бедности). Все, кто намерен разобраться в том вкладе, который система образования может внести во внушение определённого видения социального мира, ищут либо со стороны наиболее прямого и наглядного идеологического вмешательства, также как и исследования, рассматривающие содержание учебников истории, либо со стороны элитистской философии истории, которую дают в курсе преподавания этой дисциплины, как в немецкие исследования об основополагающих элементах, составляющих образ истории (Geschichtsbild), но и те, и другие, несомненно, пропускают главное [9].

Действительно, образовательные институты в своей совокупности, начиная от организации строго индивидуальной работы, которую они предполагают, и до классификационных схем, которые они разворачивают в своих операциях по классификации, всегда отдают предпочтение оригинальному в ущерб распространённому и стремятся через содержание преподаваемого материала и через манеру его подачи усилить склонности к индивидуализму или к нарциссизму, вводимые в систему детьми мелкой и крупной буржуазии. Литература, где, как говорил А. Жид в своей «Газете», — «не ценится ничего кроме личного», и как в литературном поле, так и в системе преподавания приветствуется склонность к индивидуализму, естественно служит центром этого культа «Я», в формировании которого играет свою роль и философия, часто редуцированная к высокомерному утверждению своего отличия от мыслителя. Всё это позволяет предсказать, что психоанализ будет входить в модернистский вариант этого культа, поскольку он, хотя и описывает родовые механизмы, но разрешает и поощряет погружение в единственность врождённого опыта (в противовес социологии, которая не вызывала бы такого сопротивления, если бы не сводила все к родовому, к общему).

Чтобы полностью сделать понятным притязание мелких буржуа на обладание «личным мнением», следовало бы принять во внимание не только подкрепление, получаемое от системы образования или от средств массовой коммуникации, но также и специфические характеристики производства габитуса, где это притязание будет одним из измерений. Действительно, мы видим, что -соревнование за право иметь «личное мнение» и недоверие по отношению к любой форме делегирования, особенно в политике, логически вписывается в систему собственных диспозиций индивидов, всё прошлое и все проекты будущего которых представляют своего рода ставку в борьбе за собственное благо, базирующееся на личных «способностях» или «заслугах», на разрыве с гнетущим единомыслием и даже на отречении от стесняющих обязанностей, на выборе постоянно предпочитать как дома, так и на работе, как в удовольствиях, так и в мыслях, частное, личное («у-себя-домное») вместо общественного, коллективного, общего, ничем не отличающегося от других, заимствованного [10].

Но наивно «эгоистические» диспозиции мелких буржуа не имеют ничего общего с тонким эгоизмом тех, кто может утвердить единичность своей личности всей своей практикой и, прежде всего через свою профессию — свободную деятельность, свободно выбранную и свободно осуществляемую, где утверждается как единственная добродетель собственная «личность», несводимая к анонимной, обезличенной, свободно заменяемой роли, идентифицироваться с которой ещё должны мелкие буржуа («регламент есть регламент»),

чтобы существовать, или, во всяком случае, чтобы заявить о своём социальном существовании, в частности, через их конфликт с крупными буржуа [11]. Недоверчивая осмотрительность, сдерживающая делегирование или вступление в партию мелкого буржуа, не имеет ничего общего с уверенностью крупного буржуа быть наилучшим, не имеющим себе равных, официальным выразителем мыслей и общественного мнения.

В факте, что руководящие кадры наиболее многочисленны среди тех, кто в сфере политической информации наиболее доверяет ежедневным газетам (27% — руководящие кадры, 24% — кадры среднего управленческого звена и служащие, тогда как среди занятых сельским хозяйством их 14%, среди рабочих—11%, среди ремесленников и мелких коммерсантов—5%) или еженедельникам (19% руководителей высшего звена против 7% руководителей среднего звена и служащих, 6% ремесленников и мелких коммерсантов и 4% занятых в сельском хозяйстве) (SOFRES. Телевидение и политика, май 1976 года. — Прим. пер.), можно видеть проявление усилий (которые возрастают вместе с ростом образования), направленных на то, чтобы составить своё мнение, как говорится, прибегая к средствам наиболее специфическим и наиболее легитимным, а именно, к газете, высказывающей мнение, которую можно выбирать в зависимости от собственной точки зрения, в противовес телевидению или радио — «средствам массовой коммуникации», подающим результаты «омнибусов».

Можно попытаться представить такую же структуру оппозиции в том, что высшие руководящие кадры, добиваясь выполнения своих требований, апеллируют с особой частотой к хлопотам перед общественными инстанциями, тогда как рабочие и служащие чаще, чем все остальные категории, рассчитывают на забастовку, а ремесленники, мелкие коммерсанты и кадры среднего управленческого звена прибегают к манифестациям, разовому объединению, которого не существовало ранее и которое не выживет в дальнейшем.

Но достаточно даже кратко напомнить социальные условия становления требования «личного мнения» и осуществления этого притязания, чтобы показать: в противоположность наивной вере в формальное равенство перед политикой, «народное» представление является более реалистичным, когда оно не видит другого выбора для наиболее обделённых слоёв, как чистая и простая сдача позиций, покорное признание отсутствия у них необходимой компетентности или полное делегирование, самоотречение без остатка, что великолепно очерчивается теологическим понятием *fides implicita* (Скрытая верность [лат.] — Прим. пер.) — негласное доверие, молчаливая самоотдача, когда выбирают своё мнение через выбор своего официального выразителя.

Способы производства мнения

На самом деле не все ответы — это мнения, и вероятность того, что ответы какой-то определённой группы будут лишь замаскированными «неответами», лишь вежливыми уступками предложенной проблематике или просто этическими высказываниями, наивно принятыми за «личное мнение», несомненно, варьирует так же, как и ожидаемая вероятность отсутствия ответа. Влечение и склонность обращать свои интересы и опыт на

политические выступления, исследовать связь мнений и интегрировать совокупность точек зрения вокруг эксплицитных и ясно выраженных политических принципов в действительности очень сильно зависят, во-первых, от образовательного капитала и, во-вторых, от структуры общего капитала, возрастающего вместе с ростом веса культурного капитала относительно экономического капитала [12].

Недостаточно признать неравенство полагающейся компетенции, которая заставляет вспомнить о социальных условиях для самой возможности давать политические оценки. Здесь полностью маскируется наиболее фундаментальная политическая проблема, так сказать, вопрос о способах производства ответа на политический-вопрос, допускающая интеллектуалистский постулат, что всякий ответ на политический вопрос есть продукт собственно политического акта суждения [13]. Действительно, ответ на вопрос, который применение доминирующего определения политики классифицирует как политический (например, вопрос о студенческих манифестациях или об абортах), может быть получен тремя очень различающимися способами. В основе производства ответа может лежать, во-первых, этос класса (Этос класса от греч. *ethos* — нравы, нравственность) — систематизирующий принцип поведения со стороны выраженной морали. — Прим. пер.) — порождающая формула, как таковая незафиксированная, но позволяющая по всем проблемам обыденного существования давать ответы, объективно связанные между собой и совместимые с практическим постулатом о практическом отношении к действительности; во-вторых, это может быть регулярная политическая «партия» (в том смысле, в котором говорят о балетной или оперной партии), так сказать, система эксплицитных, специфически политических принципов, поддающихся логическому контролю и рефлексивному постижению, короче, тот сорт политической аксиоматики (в обыденном языке — «линия» или «программа»), которая позволяет порождать и предвидеть множество таких и только таких суждений и политических действий, которые входят в алгоритм; наконец, в-третьих, это может быть продукт выбора на двух уровнях, то есть ориентировка, совершающаяся подвидом знания, где ответы приспособлены к «линии», намеченной политической партией (здесь: «партия» в смысле организации, задающей «политическую линию» по совокупности проблем, чьему становлению в качестве политических партия способствует). Присоединение, заключающееся в этом негласном или, напротив, в явном делегировании, может само иметь своим основанием (и мы это ещё увидим) либо практическое признание, осуществляемое этосом, либо эксплицитный выбор в зависимости от «партии» [14].

Преднамеренная связность практики и выступлений, порождённых, исходя из эксплицитных и определённо политических принципов, повсеместно сталкивается с объективной систематичностью практики, произведённой, исходя из имплицитных принципов, и, следовательно, по другую сторону от «политических» выступлений, то есть, исходя из объективно систематических схем мышления и действия, полученных в результате простого привыкания, вне всякого точного расчёта, и осуществляемых в дорефлексивной форме. Эти две формы политической диспозиции класса, не будучи механически привязанными, к ситуации, в которой находится класс, тесно взаимосвязаны через посредство, главным образом, материальных условий существования, жизненная насущность которых навязывается с неравной и, следовательно, с не равно легко символически «нейтрализуемой» беспощадной силой, а также через посредство системы образования, способной снабдить инструментами символического освоения практики — вербализации и

концептуализации политического опыта. Популистское пристрастие давать населению «политику» (как, впрочем, и «эстетику») непреднамеренно, как наделённую от природы свойствами, вытекающими из доминирующего определения политики, не учитывает, что практическое освоение, выражающееся в ежедневном выборе (который может быть или не быть квалифицирован как политический по отношению к доминирующему определению политики), находит своё обоснование не в эксплицитных принципах постоянно бдительного и универсально компетентного сознания, а в имплицитных схемах мышления и действия габитуса класса. Иными словами, если воспользоваться упрощающими и незатейливыми формулами политической дискуссии, скорее, в бессознательном класса, чем в его сознании.

Действительно, два последних способа производства мнения отличаются от первого тем, что чисто политические принципы производства политического суждения здесь направлены на эксплицитный уровень, конституированный как таковой либо институцией, которой передают полномочия производить и управлять этими принципами, либо отдельным политическим агентом, который, обладая собственными средствами производства политических вопросов и ответов, может давать систематические и систематически политические ответы по проблемам возможно столь же различным, как, например, борьба работников LIP (LIP — Часовой завод во Франции, работники которого в конце 1960-х годов боролись за своё участие в управлении и в прибылях. — Прим. пер.), сексуальное воспитание и загрязнение окружающей среды. В этих двух случаях связь между социальным классом и общественным мнением не устанавливается более непосредственно, то есть через посредство одного лишь классового бессознательного, но чтобы правильно понять политические мнения и чтобы придать им дополнительные доводы, нужно ввести ещё одну чисто политическую инстанцию: либо политическую «линию» или «программу» политической партии, инвестированную, таким образом, *de facto*, в монополию производства принципов производства политических мнений, либо политическую аксиоматику, которая позволяет производить чисто политические точки зрения на все проблемы, были ли они или нет поставлены как политические [15].

Тем не менее, для решения проблем, которые не составляют в «партию» или партией, агенты отсылаются к этосу (в котором выражаются особые социальные условия производства, продуктом чего и является этос). Например, к этосу рядовых агентов, но также и профессиональных производителей, интеллектуалов, социологов, журналистов или политиков: в производстве речей (научных или иных) о социальном мире, как и в определении линии политического воздействия на этот мир, именно этос класса отвечает за компенсацию аксиоматической и методической недостаточности (или за восполнение недостаточного овладения средствами мышления и действия). «Увриеризм» [рабочий характер] революционных партий, несомненно, находит свои корни в этом интуитивном чувстве двойственности принципов производства политических мнений и действий, а также в некотором хорошо обоснованном скептицизме, касающемся возможности отвечать на все вопросы и все практические вызовы простого существования, исходя из одних лишь принципов политической аксиоматики. Существует ли что-нибудь более противоположное, чем сознательная и псевдовынужденная систематичность политической «партии» и систематичность $\frac{3}{4}$ «в-себе» практик и суждений, сформированных, исходя из бессознательных принципов этоса; или же чем сознание минимальное, но в то же время фундаментальное, которое необходимо, чтобы делегировать партии производство

принципов производства политических мнений, и сознание систематическое, которое даёт возможность формулировать любую ситуацию как политическую и приводить её к политическому решению, вытекающему из чисто политических принципов. Если политическое сознание без диспозиций — это нечто нереальное и недостоверное, то диспозиции без сознания — всегда непроницаемы сами для себя и через это всегда чувствительны к извращениям, совершающимся в пользу ложных признаний.

Именно эту оппозицию между первым и вторым принципами, так сказать, между производством от первого лица и производством по доверенности, приводят всегда защитники установленного порядка, например, в ситуации забастовки. Они противопоставляют логику «демократического» голосования или опроса общественного мнения «централистской» логике выражения мнения через профсоюз, чтобы постараться таким образом разорвать органическую связь делегирования и вынудить индивида обратиться к его собственным силам, отправляя его к кабине для тайного голосования, изолируя его. Опрос общественного мнения — тоже не что иное как установление способа производства мнений, который может заставить наиболее обделённых высказывать мнения, противоположные тем, которые им представляют (в двойном смысле) их официальные представители, ставя, таким образом, под сомнение обоснованность договора о представительстве [16]. А также именно на эту оппозицию между двумя способами производства мнения ссылаются, когда сопоставляют две концепции отношений между партией и массами со ссылкой на политических сторонников, более или менее приверженных одному или другому способу: массовая партия, с одной стороны, а с другой — небольшие партии или группы «авангарда», где некая квазисовокупность активистов даёт политике возможность существовать под видом «партий». Можно противопоставить две концепции отношений между партией и массами: концепция, по которой, чаще всего «во имя реализма», требуется высокая степень делегирования в пользу центрального управления, и концепция, призывающая к самоуправлению политическим мнением через бессознательную универсализацию отношения к политике, свойственной мелким собственникам средств производства политических мнений, у которых нет никаких оснований делегировать другим свою власть высказывать мнение за них. Существующий обычно образ отношений между аппаратом партии и её сторонниками, в частности, идеология неполного представительства, согласно которой «политическая элита не отвечает насущным социальным нуждам» или «сама создаёт политический запрос, который помогает ей оставаться у власти», не принимает в расчёт совершенно разные формы, которые это отношение может скрывать в зависимости от партий и от категорий сторонников внутри одной партии.

Эти вариации отношений между уполномоченными лицами и их доверителями зависят, помимо прочего, от способов подбора, образования и продвижения ответственных политических деятелей (например, с одной стороны, Коммунистическая партия, которая должна формировать политических деятелей в некотором смысле *ex nihilo* (*Nihil* — ничто; *Ex nihilo* — из ничего [лат.] — Прим. пер.) с помощью всеобщего образования, почти повсеместно взятого на себя партией, а с другой стороны — партии консерваторов, которые могут довольствоваться объединением в своих рядах нотаблей, уже имеющих общее образование и занимающих к тому же установленные позиции). Они варьируют также в зависимости от основных социальных характеристик (и, в особенности, от уровня общей

подготовки и образа политического мышления, внедряемого ей) и от способов подготовки политических выступлений или, что сводится к тому же, от способов организации групп, где эти выступления подготавливаются и распространяются [17].

Анализ опросов общественного мнения позволяет привести некоторые уточнения по второму пункту. Так, например, принцип, по которому избиратели от Коммунистической партии высказывают свои мнения, изменяется в зависимости от того, знают ли они предмет практически или теоретически, из своего опыта либо из политической учёбы, как «то, что следует думать» (например, всё, что касается борьбы в поле производственных отношений) или, наоборот, как то, что подсказывает им диспозиции их этоса; таким образом, они обрекают себя быть хранителями прошлого состояния буржуазной морали. Это похоже на детскую игру: нужно указать у активистов или у лидеров противоречия или расхождения в реакциях, вызванных соответственно двум принципам, и, особенно, расхождения между революционными диспозициями, демонстрируемыми ими в плане политики, и консервативными диспозициями, которым они изменяют в плане «этическом», и которые в принципе могут исходить в некоторых ситуациях из действительно консервативной политической практики. Напротив, избиратели от Объединённой социалистической партии (PSU), значительная доля которых состоит из людей «интеллектуальных» профессий, демонстрируют в высокой степени взаимосвязь своих диспозиций со способностями представлять все политически по аналогии со сходной установкой эстета, способного все представлять эстетически) и давать систему эксплицитно связанных реакций, которые более чётко интегрируются вокруг эксплицитно формулирующихся политических принципов, чем в примере с Коммунистической партией. Избиратели Объединённой социалистической партии отличаются от всех других по степени, в которой они показывают себя способными утверждать принципы собственно политического производства вплоть до той сферы, где другие более склонны «скатываться» к принципам этоса.

Все политические суждения, включая те, которые представляются наиболее ясными, приводят, отчасти неизбежно, к *fides implicita*, понимаемой в соответствии с логикой политического выбора как выбор официального выразителя и уполномоченного, как выбор идей, мнений, проектов, программ-, планов, воплощённых в «личности» и зависящих в их реальном и вероятном существовании от реального и вероятного существования этих «личностей». Неопределённость в самом объекте суждения: человеке или идеях, вписана в саму логику политики, которая при каком бы то ни было режиме действует так, что заботы о формулировке проблем или политических решений и их осуществлению обязательно доверяются людям. При этом доверенные лица могут всегда быть выбраны либо по их программе (объективированной), в смысле каталога уже сформулированных суждений и уже заявленных и ставших публичными предпринимаемых мероприятий по логике присяги), либо по их «личностным характеристикам», то есть по их габитусу как инкорпорированной программе (здесь: программа в том значении, в каком о ней говорят в информатике), как принципу, порождающему совокупность суждений и действий («политические мероприятия»), которые не «сформулированы эксплицитно в момент «выбора» ни кандидатом, ни избирателем, и которые, следовательно, должны предугадываться по едва заметным признакам диспозиций, дающимся через физический экзис (Экзис — (*hexis* (греч.) — опытность, навык, сноровка) — один из аспектов габитуса; очерчивает наиболее специфические положения тела: устойчивые манеры держаться, говорить, ходить, а также

— чувствовать и мыслить. «Интерииоризация есть инкорпорация». — Прим. пер.), дикцию, манеру держаться, манеры поведения. Не бывает такого политического выбора, который бы не учитывал неотрывно личность гаранта и то, что он гарантирует. Уполномоченный является одновременно тем, кто выражает мнения, уже выраженные его доверителями (он, как это принято говорить, «ограничен» программой, определённого рода контрактом эксплицитного делегирования) и тем, кто действует в соответствии со своей инкорпорированной программой более, чем в соответствии с объективированной программой — или в соответствии со специфическими интересами, связанными с его позицией в поле идеологического производства, выражает пока ещё не сформулированные, имплицитные и потенциальные мнения, которые благодаря этому и возникают. Доверитель может даже использовать монополию говорить, которую ему даёт статус признанного официального выразителя, чтобы при помощи не поддающейся проверке узурпации приписать своим доверителям ожидания, намерения, требования, в которых они не разбираются и которые могут в отдельных случаях принадлежать, авангарду или арьергарду группы в целом. Короче говоря, факт, что уполномоченное лицо, будучи гарантом программы не только как *opus operatum* (Действенное усилие, замысел действия [лат.] — Прим. пер.), взятом как совокупность уже сформулированных предложений, но и как *modus operandi* (Способ или механизм действия [лат.] — Прим. пер.), взятом как совокупность принципов, порождающих предложения пока не сформулированные («линия»), есть, без сомнения, то, что по формуле Дюркгейма, никогда не является пунктом контракта по политическому делегированию.

Вынужденные предъявить в один прекрасный день в виде объективированной программы свои еретические намерения, идущие вразрез с доксой, то есть простым согласием с обычным порядком, которое идёт само по себе, без обсуждения, сторонники изменения связываются из-за этого более всего подверженными противоречию между программой, которую провозглашает официальный выразитель, и имплицитной программой, которую выдаёт их габитус. Принимая во внимание скрытые условия доступа к политической компетенции (и, в частности, подготовку), это противоречие тем больше, чем в большей степени держатели монополии на производство или даже на воспроизводство эксплицитных программ сами являются продуктом социальных условий производства (проявляющихся в видимых признаках их габитуса), у которых есть все шансы быть отличными от тех условий, в которых были «произведены» их доверители. Напротив, те, кто не имеет других намерений, кроме намерения продолжать поддерживать установленный порядок, могут экономить на разъяснительной работе и ограничиваться представлением в собственной персоне своей изысканности, элегантности, культуры, а также своих свойств и прав (дворянский титул, диплом об образовании и тому подобное), являющихся гарантией инкорпорированной программы сохранения порядка. Они обладают непреднамеренно, естественно, физическим эксисом, дикцией, произношением слов, и согласованность между речью и личностью, которая её произносит, непосредственная, безукоризненная и естественная.

Габитус класса и политическое мнение

Напрасно было бы искать объяснительный принцип ответов в этой, как и в любой другой области, в одном факторе или совокупности, полученной простым сложением нескольких факторов. В действительности габитус интегрирует в изначально синтетическую целостность порождающего принципа совокупность результатов действия детерминаций, навязанных материальными условиями существования (эффективность которых всё более подчиняется результату воздействия образования и информации, предварительно, по мере её появления, подвергнутой испытанию временем). Габитус есть инкорпорированный класс (включая и биологические, но социально препарированные свойства, например, пол и возраст) и при любых внутри- или межпоколенных перемещениях он отличается по своим эффектам) от класса объективированного в определённый момент времени (в виде званий, свойств и так далее) по тому, как воспроизводит различные состояния материальных условий существования, продуктом которых является и которые могут в большей или меньшей степени отличаться от актуально имеющихся условий существования. Детерминации, оказывающие на агентов своё действие на протяжении всего их существования, образуют систему, внутри которой главный вес приходится на такие факторы, как имеющийся капитал, определённый по общему его объёму и структуре, а также соответствующая позиция в отношениях производства (определённая через профессию со всеми сопутствующими детерминациями, как влияние условий труда, профессиональное окружение и тому подобное).

Это означает, как мы уже видели, что собственная эффективность фактора, взятого изолированно, никогда на самом деле не измеряется по корреляции между этим фактором и рассматриваемым мнением или практикой. Тот же фактор можно увязать с различными результатами, иногда даже противоположными, в зависимости от того, в какую систему факторов его включают. Так, диплом бакалавра может стать основой протеста, когда его обладателем является сын кадрового работника среднего звена или сын квалифицированного рабочего, попавшего в ранг рабочих-специалистов. Несомненно, что постоянный рост числа бакалавров среди рабочих-специалистов не случаен для распространения гошизма в рядах рабочих. Тот же диплом может стать основой интеграции, когда его имеет работник среднего звена, являющийся сыном рабочего или крестьянина. То же самое можно сказать о ценности полученного диплома об образовании и соответствующего ему отношения к социальному миру, которое ощутимо меняется в зависимости от возраста обладателя диплома (в той мере, в какой для разных поколений отличаются возможности получения этого диплома), от его социального происхождения (в той мере, в какой унаследованный социальный капитал, имя, семейные связи и тому подобное — определяют реальную прибыль, которую можно от этого получить) и, без сомнения, от географического происхождения (опосредованного такими инкорпорированными свойствами, как акцент, но также и характеристиками рынка труда) и от половой принадлежности.

Понятно, что через посредство габитуса, который определяет отношение к занимаемой в настоящее время позиции и, тем самым, выработку практической или эксплицитной позиции по отношению к социальному миру, распределение политических точек зрения между правыми и левыми достаточно тесно связано с распределением классов и внутриклассовых слоёв в пространстве, определяемом в первом измерении по общему объёму капитала и во втором — по структуре этого капитала. Склонность голосовать за правых возрастает по

мере роста общего объёма имеющегося капитала, а также по мере роста относительного веса экономического капитала в структуре капитала, а склонность голосовать за левых возрастает в обоих случаях при обратной тенденции. Гомология между противоположными позициями, которые устанавливаются при этих двух отношениях, где основная: оппозиция между доминирующими и доминируемыми, а вторая — между слоями доминирующих и доминируемых внутри доминирующего класса, стремится способствовать встречам и союзам между занимающими однородные позиции в различных пространствах. Наиболее зримо это парадоксальное совпадение устанавливается между слоем доминируемых внутри доминирующего класса (интеллектуалы, артисты, преподаватели) и доминируемыми классами, которые хотят выразить своё отношение (объективно сильно различающееся) к доминирующим (в целом) в своей особой склонности голосовать за левых.

Если на основе распределения электоральных намерений по социально-профессиональным категориям, установленным Мишля и Симоном [18], охарактеризовать каждый слой класса по алгебраическому расхождению между процентами желающих голосовать за левых и желающими голосовать за центр или голлистами не принимая в расчёт долю не ответивших, которая изменяется достаточно незначительно), то можно увидеть, что всё происходит так, как будто результаты действия объёма и структуры капитала аккумулируются, так что политическое пространство обнаруживает себя как систематическая деформация социального пространства. С одной стороны, учителя (-43) находятся рядом с Шахтёрами (-44), преподаватели (-21) рядом с квалифицированными рабочими (-19), артисты. (-15) рядом с рабочими ручного труда (-15) и конторские служащие (-9) рядом с рабочими-специалистами (-10), тогда как с другой стороны, промышленники (+61) следуют за лицами свободных профессий (+47), высшие управленческие кадры (+34) и, очень близко, коммерсанты (+32) занимают противоположный край политического пространства, а техники (+2) и мастера на производстве (+1) находятся на границе между правыми и левыми. Кажется, всё указывает на то, что вторая оппозиция образуется между слоями, ориентированными в значительной степени на выбор, оцениваемый как наиболее совпадающий с их областью политического пространства. Так, промышленники и лица свободных профессий, с одной стороны, составляющие долю тех, кто весьма вероятно будет голосовать за Центр, а с другой стороны — рабочие занятые ручным трудом, рабочие-специалисты и высококвалифицированные рабочие, голосующие с большой вероятностью за Коммунистическую партию, оказываются в оппозиции слою, состоящему из значительного числа воздерживающихся от голосования и тех, чей политический выбор относительно плохо классифицируется (левые некоммунисты или голлисты), то есть артистов, преподавателей, учителей, мастеров на производстве, которые, может быть, тем самым выражают двойственность и противоречивость, связанные с их шаткой позицией в социальном пространстве.

Само собой, что полностью учитывать политические точки зрения и политическую практику мы можем не более, чем другие практики. Если абстрагироваться от всего, что ощущается по обычным признакам социального происхождения, то нужно по меньшей мере различать эффект траектории, приводящей от исходной позиции к актуально занимаемой позиции, то есть видеть результаты действия социальных обусловленностей, вписанных в частные условия и особенно много дающих для понимания выработанной политической позиции как выраженной позиции, занятой в отношении социального мира, а также эффект внушения,

собственно говоря, политическое воспитание, которое, как и воспитание религиозное, будучи усвоенным с детства, в кругу семьи, есть в некотором смысле его эвфемистическая форма.

Прежде чем выражать своё удивление теснотой связи, зафиксированной между религиозной практикой и политическим мнением, нужно спросить себя: а не вытекает ли она в основном из факта, что это не более, чем различные проявления одной диспозиции. Не только потому, что, как по своему содержанию, так и по материи внушения, религиозное воспитание есть эвфемистическое выражение политической социализации, но и потому, что предписания практики и исповедуемой веры заключают в себе назначение в некий класс и, следовательно, атрибуцию социальной идентичности. Каково бы ни было содержание связанного с ней внушения, социальная идентичность определяется по её противоположности комплиментарному ей классу «неверующих» и, таким образом, она ответственна за все свойства, не входящие в неё в данный момент времени, например, такая политическая диспозиция, как консерватизм предполагает оппозицию «красных». Верность этой идентичности и тому, что ей сопричастно («Я — христианин»), придаёт исповедуемой вере большую автономию по отношению к актуально имеющимся условиям существования. Что же касается собственно эффекта содержания религиозного сообщения, то можно думать, что оно усиливает изначальную естественную склонность к осмыслению социального мира в «персоналистской» логике «личного спасения», боязни нищеты или угнетения как фатальности или личной судьбы, болезни или смерти. Напротив, способ политического осмысления стремится выбросить из политики всё то, что персоналистский способ мышления и религия представляют в этике, он старается начинать с того, что затрагивает домашнюю экономику, отсюда вытекает то, что он мало готов к тому, чтобы политизировать домашний быт, такой как потребление или условия для женщин. Трудности удваиваются из-за того, что авангард политизации домашнего быта часто составляют индивиды или движения христианские по своему происхождению и нелегко определить, политизируют ли они домашний быт или «одомашнивают» и деполитизируют политику.

Спрос и предложение общественного мнения

Для того, чтобы попытаться уточнить отношение между сложившимися социально на данный момент времени классами и политическими мнениями, можно попытаться рассмотреть, исходя из имеющейся статистики, каким образом из различных более или менее политически «маркированных» газет и еженедельников, которые делают различные классы и слои классов, распределяются выборы. Такой подход не будет совершенно закономерен, если мы не начнём с вопроса о том, какое значение имеет для тех или иных категорий читателей чтение газет. Вопрос этот не имеет ничего общего с вопросом о функциях, которые обычно приписываются чтению, или функциях, которые ему намечает производитель или его доверенное лицо. Одна лишь этноцентрическая вера в миф о «личном мнении», формируемая за счёт постоянных усилий осведомляться, быть в курсе, может заставить забыть, что газета (journal), когда читают её одну, есть лишь «журнал

мнений» (Так же, как и «журнал мод», предлагающий свой стиль. — Прим. пер.).

Относительная независимость от политических мнений читателей по вопросу о выработке политических позиций газеты, таким образом, связана с тем, как газета, в отличие от политической партии, подаёт информацию, не являющуюся исключительно политической (в узком смысле, какой обычно придают этому слову). Эта разнообразная газетная продукция, предлагающая в очень сильно варьирующих пропорциях политику (международную или внутреннюю), происшествия, спорт, может быть предметом интереса, относительно независимого от специфически политических интересов [19]. К тому же, органы прессы, которые можно назвать «омнибусами» (а к ним можно отнести большинство местных газет), подчиняясь сознательному поиску увеличения числа читателей, ценимых за доходы, которые они приносят, покупая газету, а ещё и за дополнительное увеличение значимости, получаемой в глазах рекламодателей [20], заставляют себя методически уклоняться от всего, что может шокировать публику и оттолкнуть часть имеющих или потенциальных читателей. Иначе говоря, в первую очередь, «омнибусы» избегают занимать чисто политические позиции (уклоняясь по той же причине и от случайных разговоров между неизвестными лицами в пользу гарантированных топиков (Топик — тема, проблема. — Прим. пер.) «о том, о сём»), во всяком случае, за исключением таких тем, которые могут восприниматься не столько как политические, сколько как официальные декларации (то, что придаёт газетам-«омнибусам» вид полуофициальных или «правительственных» органов) [21]. Такой императив, который всё более и более внушается по мере роста сторонников (clientelle), с неизбежным объединением людей со всё более и более различными вкусами и мнениями, достаточен для объяснения инвариантных характеристик всех культурных благ, которые несут «омнибусы», телевизионные сериалы и фильмы, снятые по большим спектаклям, бестселлеры, мастерски деполитизированные политические сообщения, называемые «кладовкой» («attrape-tout», «catch-all»), а также пустой красоты голливудских звёзд, профессионального бюрократического обаяния или безупречно вежливого и культурного общего вида образцовых управленцев, которые за своё возвышение должны платить методическим сглаживанием всех социальных шероховатостей, или как та продукция, которая может до определённого предела быть совершенно неклассифицируемой или, как обычно говорят, бесцветной и такой ценой быть доступной любому вкусу.

Таким образом, большие газеты или еженедельники-«омнибусы», которые получают максимальное расширение аудитории через нейтрализацию продукции, во всём противостоят авангардным группкам или маленьким журналам, которые свидетельствуют о своей верности в отношении заявленной ими программы либо своим быстрым исчезновением, либо своим бесконечно подвешенным существованием (в смысле подписки, сверхзагруженности ответственных за выпуск, самоотверженности активистов и тому подобного). Если только им не удаётся преодолеть или уладить конфликты, которые возникают как на уровне производства, так и читателей, при поиске максимального расширения своих сторонников как условия доступа к власти, принуждая к уступкам, компромиссам и смягчениям в противоречии с заявленной программой и порывая с наиболее старой и наиболее «значимой» частью читателей. Так, например, некоторым крупным органам прессы удаётся при рациональном управлении конкуренцией внутри производственной единицы, функционирующей как поле, найти способ предложить, не

задаваясь явным образом такой целью, различным категориям читателей или избирателей (в случае «Монд», например — различным слоям доминирующего класса) продукцию диверсифицированную и приспособленную к их различным, и даже противоположным, ожиданиям.

Но кроме того, рабочие и служащие (если исключить из них самых политизированных, читающих «Юманите» или другую такую же леворадикальную газету) практически не видят в ежедневных газетах такого рода «политического гида» или «морального и культурного ментора», которыми они являются может быть со всей строгостью лишь для части читателей «Фигаро», как не видят в них и инструмент информирования, документации и анализа, которым он является, без сомнения, лишь для студентов Sciences Po (Высшая школа политических наук) или ENA (Национальная высшая школа администрации), функционеров высокого уровня или части преподавателей, то есть для публики, являющейся мишенью для «Монд». Кроме спортивных результатов и комментариев в понедельник утром, от газеты ожидают того, что называют «новости», то есть информацию о событиях, к которым люди чувствуют себя непосредственно причастными, поскольку они касаются людей знакомых (смерти, браки, несчастные случаи или школьные достижения, опубликованные в местных газетах) или людей, похожих на них, чью боль, нищету или невезение они ощущают «по доверенности» (как, например, катастрофу, происшедшую летом 1978 года на популярном кемпинге в Испании). Интерес к такого рода «новостям», которые считающие себя «серьёзными» газеты помещают на последнем месте, поскольку хорошим тоном является относиться к ним свысока, конечно, не отличается по природе от того интереса, который члены доминирующего класса, наиболее близкие к кругам, принимающим политические решения, придают новостям, называемым «общими»: назначение членов министерских кабинетов или плановой комиссии, выборы в Академию или приёмы в Елисейском дворце, борьба кланов внутри политического аппарата, войны за наследство в рядах, такой-то большой газеты или такого-то большого предприятия, не говоря уж о светской хронике и о списках-награждённых в конкурсах Grandes écoles (Наиболее престижных высших школ. — Прим. пер.). Только на обедах или в разговорах о буржуазном образе жизни имена собственные, имеющие всеобщий интерес — например, министр финансов или управляющий его кабинетом, директор «Шлюмберже» или директор по ценам и другие — соотносятся со знакомыми персонами, конкретно известными и часто встречающимися, которые, как соседи или близкие родственники в деревенском пространстве, принадлежат к миру знакомых друг другу людей (именно такое предварительное условие, обязывающее войти в этот «мир» [«Monde»], не способствует чтению «Монд»). Забывают, что доминирующий класс точно определяется по тому, что у него есть частный интерес к делам, которые навязывают «всеобщим интересом», поскольку частные интересы его членов особенным образом связаны с этими делами.

Но не в этом заключается основание подозревать существование полунаучной оппозиции между «news» и «views» — между «газетами-сенсациями» и «газетами-размышлениями». В действительности, через чтение этих двух категорий газет прослеживаются два совершенно различных отношения к политике. Факт чтения общенациональной газеты и, особенно, одной из таких больших легитимных газет как «Фигаро» или «Монд» — это один из многих способов (также как и письма в газеты или заметки для газет, подписание обращений, опубликованных в газетах или ответ на анкету, распространяемую через газету

и так далее) продемонстрировать, что чувствуешь себя членом правовой страны, то есть в праве и обязан участвовать в политике, осуществлять на деле свои гражданские права.

Но разница между «прессой для сенсаций» и «прессой для информирования» воспроизводит в основном оппозицию. между теми, кто делает политику в действиях, речах и мыслях, и теми, кто ей подчиняется, между действующим мнением и мнением, подверженным действию. И не случайно противопоставление двух пресс вызывает, как фигуру-антитезу, понимание и чувствование, рефлексию и ощущение, которые находятся в центре доминирующего представления об отношении между доминирующими и доминируемыми. Это противопоставление двух отношений к социальному миру, оппозиция между суверенной точкой зрения того, кто доминирует в социальном мире на практике или в мыслях (как говорила Вирджиния Вульф: «Les idées générales sont des idées de général» — «Генеральные идеи суть идеи генерала»), и видением слепым, узким, частичным — как у простого солдата, потерявшегося в бою — то есть видением тех, над кем этот мир доминирует [22].

Политический анализ предполагает либо дистанцию, возвышение, позицию для обзора наблюдателя, остающегося в стороне от драки, либо историческое отступление, которое даёт время для рефлексии. Такого рода политическое дистанцирование, способно (также как и эстетическое дистанцирование) нейтрализовать предмет в его непосредственности, насущности, функциях и заменить выражения в форме прямой речи или лозунги с их грубой резкостью на их эфемизированный перевод в форме косвенной речи. Политическое дистанцирование позволяет заместить (subsumer) унифицированными концептами политического анализа настоящее наглядное множество: явления в их чистой фиктивности, происшествия, разнообразно ощущаемые, непосредственные, эфемерные события — всё то, что называют сенсационным, и чтением чего довольствуется обычный читатель обычных ежедневных газет, зевака, обречённый на погружение в события и на кратковременные, скоротечные и простые ощущения. Так же как «сложное» искусство в противоположность «лёгкому» искусству или как эротизм в противоположность «порнографии», газеты, считающиеся «качественными», вызывают такое отношение к объекту, которое содержит утверждение дистанции от него, которое является утверждением власти над объектом и, вместе с тем, достоинства субъекта, упрочивающегося в этой власти. Такие газеты дают читателю значительно больше, чем «личное» мнение, в котором он нуждается, — они признают за ним достоинство политического субъекта, способного быть если не субъектом истории, то по меньшей мере субъектом исторического дискурса.

Раскрыв таким образом значение связи, которую поддерживают различные социальные классы со своими газетами и посредством которой они несомненно ощущают размах своего объективного и субъективного отношения к «политике» (которое проявляется также через процент участия в управляющих инстанциях различных партий или в различных выборных должностях), можно попытаться выделить переменные, которыми описывается чтение общенациональных ежедневных газет, наиболее ярко политически «маркированных» указаниями на занимаемую политическую позицию. В первую очередь, можно достаточно точно прочертить границу, нераздельно культурную и политическую, между народными классами, которые помимо местных газет читают почти исключительно газеты-«омнибусы», и средними классами. Техники, среди которых доля читающих ежедневную прессу близка к доле читающих мастеров на производстве, противопоставляются служащим, которые

читают ощутимо больше, и кадрам среднего уровня, которые читают намного больше, но значительно более «правую» прессу (то есть в большей степени читают «Круа», «Фигаро», «Монд» и в меньшей — «Юманите» или «Экип»). Здесь мы, несомненно, фиксируем кумулятивные эффекты сильно различающейся профессиональной среды: мира цехов и мира бюро; но ещё и эффекты образования, способного усилить изначальные различия: техническая подготовка склоняет к практикам и интересам сходным с теми, которые имеются у занятых ручным трудом; а общее среднее образование, которое, приобщая (сколь бы мало это ни было) к легитимной культуре и её ценностям, приводит к разрыву с народным мировоззрением.

Газеты и еженедельники, за исключением «Юманите», играют, в действительности, свою роль политического «маркера», лишь начиная с уровня средних классов. Пространство, которое очерчивает количественные и качественные характеристики читателей, воспроизводит достаточно точно, как на уровне средних, так и на уровне доминирующих классов, обычные оппозиции по объёму и структуре капитала. С одной стороны, — слои, богатые (относительно) экономическим капиталом (ремесленники и мелкие коммерсанты или промышленники и крупные коммерсанты), которые читают мало и, в основном, газеты-«о мнибусы», а с другой — слои, богатые (относительно) культурным капиталом (служащие, кадры среднего уровня, промышленники — в первую очередь, и либеральные профессии, инженеры, кадры высшего уровня и преподаватели — во вторую), которые читают много в равной мере и общенациональные ежедневные газеты (главным образом, наиболее «легитимные»), и еженедельники. В средних классах, как и в доминирующем классе, доля читателей ежедневных общенациональных газет и «левых» газет уменьшается, тогда как доля читающих региональные ежедневные газеты и «правые» газеты увеличивается, при переходе от учителей начальных классов и преподавателей к мелким или крупным коммерсантам.

Оппозиция между слоями по структуре имеющегося капитала сглаживается эффектами оппозиции, которая внутри каждого слоя противопоставляет «молодых» и «старых» или, точнее, предшественников и последователей, «старую игру» и «новую игру». Доминируемые слои, которые в силу своей позиции в пространстве доминирующего класса склонны в целом к ниспровержению частичному или символическому, имеют также своих доминирующих (временно), которые могут примыкать к консервативным тенденциям (помимо прочего из-за разрушительных диспозиций претендентов); а внутри доминирующих слоёв, которые выступают заодно со всеми формами сохранения порядка, последователи (а также в некоторой мере женщины), изолированные на время от власти, могут разделять до некоторой степени и на более или менее длительный период видение социального мира, которое предлагают доминируемые слои.

Действительный эффект траектории

Таким образом, чтобы нагляднее показать, что политический выбор значительно меньше, чем обычно считают, независим от социального класса, даже определённого синхронно через обладание неким определённым объёмом капитала и некой его структурой, достаточно адекватным образом выстроить категории. Но можно продвинуться ещё дальше

в направлении, открытом Мишля и Симоном, если принимать в расчёт диахронные свойства каждой социальной позиции и, может быть, особенно, если дать себе труд описать и понять, что означает политическая марка и соответствующий политический продукт для каждого адекватно охарактеризованного класса или слоя класса. Можно лишь сожалеть, что исследования, проведённые во Франции, не позволяют ощутить и изолировать эффекты траектории и внушения (через профессию или политические точки зрения родителей). И может ещё более сожалеть, что они не дают никаких возможностей воспринимать различия непосредственно, по манере их выражения или их подтверждения, из-за чего номинально идентичные точки зрения на самом деле несравнимы, а значит и несовместимы (иначе, как на бумаге): Это не потому, что избирательная логика не признает различий между коммунистическим выбором артиста или профессора и коммунистическим выбором школьного учителя или, а fortiori (Тем более [лат.] — Прим. пер.), служащего, рабочего-специалиста или Шахтёра, которые наука должна различать, но потому, что стараясь запретить себе всякую возможность давать научные объяснения, наука должна раскрыть действительно различные способы быть и называться коммунистом и значимые различия в голосовании за коммунистов, скрывающиеся за номинальной идентичностью выбора, не забывая также учитывать как политически важный факт, что электоральная логика рассматривает как идентичные точки зрения, различающиеся как по их интенциям, так по их ожиданиям.

Тем не менее, нельзя по настоящему понять различия, иногда огромные, которые разделяют близкие всё же в объективном пространстве категории, как например, ремесленников или земледельцев, мастеров на производстве или техников, если не учитывать помимо объёма и структуры капитала, эволюцию его свойств во времени, то есть социальную траекторию группы в целом, рассматриваемого индивида, его потомства, которая лежит в основе субъективных представлений об объективно занимаемой позиции. Одна из наиболее определяющих характеристик политического выбора заключается в действительности в том, что политический выбор, больше, чем какой-либо другой и, особенно, больше, чем неопределённый и глубинный выбор габитуса [23], допускает в большей или меньшей степени эксплицитное и систематическое представление, которое мы имеем о социальном мире, о позиции, которую мы занимаем в нём, и которую мы «должны» занимать. А политические выступления, когда они имеются как таковые, являются лишь выражением этого представления, выражением более или менее эвфемистическим и обобщённым и никогда непризнаваемым даже в глазах самого выступающего. Иными словами, между реально занимаемой позицией и выработкой политической позиции располагается представление о позиции, которое, само будучи определено позицией (при условии, что та рассматривается комплексно, то есть также и диахронно), может рассогласовываться с выработанной политической позицией, какой она представляется для стороннего наблюдателя (то, что иногда называют «извращённым сознанием»). Наклон индивидуальной траектории и, в особенности, коллективной траектории задаёт, при опосредовании через временные диспозиции, восприятие занимаемой в социальном пространстве позиции и отношение удовлетворения или разочарования этой позицией, которое есть безусловно одно из главных опосредующих звеньев для установления связи между позицией и выработанной политической позицией. Степень, в которой индивиды или группы обращены к будущему; к новому, к движению, к инновациям, к прогрессу (диспозиции, которые демонстрируются в либерализме по отношению к «молодым», для кого и силами кого всё

это может осуществляться), и в более общем виде, в какой они склонны к социальному и политическому оптимизму или же, наоборот, ориентированы на прошлое, склонны к социальному злопамятству и к консерватизму, зависит на самом деле от их коллективной траектории, прошлой или потенциальной, то есть от степени, в которой они преуспели в воспроизводстве свойств своих предшественников, и в которой они способны (или чувствуют себя таковыми) воспроизвести свои свойства в последователях.

Находящийся в упадке класс или слой класса, то есть класс, ориентированный на прошлое, когда он со всеми своими свойствами более не способен воспроизводить состояния и позиции, и когда самые молодые члены класса должны в значительной степени для воспроизводства своего общего капитала и поддержания своей позиции в социальном пространстве (например, семейного происхождения или актуально занимаемой позиции) осуществлять как минимум реконверсию своего капитала, которой сопровождается смена состояния, отмеченная горизонтальным перемещением в социальном пространстве. Другими словами, когда воспроизводство классовой позиции невозможно (деклассирование) или не осуществляется иначе, как через смену слоя класса (реконверсия). В этом случае изменение способа социального происхождения агентов определяет появление различных поколений, конфликты между которыми не сводятся к тому, что обычно понимают под конфликтами поколений, поскольку они имеют в качестве первопричины оппозицию между ценностями и стилями жизни, связанными с преобладанием в наследстве экономического или культурного капитала.

Структурная история поля (идёт ли речь о поле социальных классов или о любом другом) разбивает биографию вовлечённых в данное поле агентов на периоды (таким образом, что индивидуальная история каждого агента включает в себе историю группы, к которой он принадлежит); вследствие этого, невозможно разделить население на поколения (в противовес простому произвольному разбиению на классы по возрасту), иначе, чем на базе знания специфической истории рассматриваемого поля. Действительно, только те структурные изменения, которые затрагивают это поле, обладают властью определять формирование различных поколений, трансформируя способы происхождения и определяя организацию индивидуальных биографий и их агрегирование в класс биографий, оркестрованных и подчинённых одному ритму. Несмотря на то, что великие исторические события (революции или смены режима), которые наиболее часто используются как вехи для периодизации поля культурного производства, имеют в качестве результата синхронизацию различных полей на протяжении более или менее продолжительного времени и смешение в пространстве данного времени относительно автономной истории каждого из этих полей в общую историю, они вводят часто искусственные купюры и препятствуют исследованию собственной прерывности, свойственной каждому полю.

Либеральный консерватизм слоя доминирующего класса, воспроизводство которого обеспечивается в высшей степени самостоятельно, противопоставляется реакционным диспозициям тех слоёв, которые, ощущая опасность в отношении своего коллективного будущего, могут поддерживать свои ценности лишь соотносясь с прошлым, обращаясь к нему и ссылаясь на систему ценностей, соответствующих прошлому состоянию структуры поля социальных классов.

Если верно, что индивиды, занимающие сходные позиции, могут иметь различные мнения в зависимости от их социального происхождения и их индивидуальной траектории, то все, по-видимому, указывает на то, что эффекты индивидуальной траектории осуществляются в границах собственных эффектов класса (что особенно заметно для групп, занимающих неопределённые позиции в социальном пространстве, и, исходя из этого, обречённых на большой разброс во всех отношениях) так, что этико-политические диспозиции членов одного класса обнаруживают себя как столько же трансформированных видов расположения позиций, которые существенным образом характеризуют классовую совокупность [24]. Таким образом, *obsequium* (Послушание, подчинение, потворство [лат.] — Прим. пер.), это твёрдое признание установленного порядка, которое определяет границы протеста мелких буржуа, является также основой социальных добродетелей новых мелких буржуа. Когда речь идёт о продаже благ или услуг, таких как культурные блага или материальные блага: «предметы комфорта», бытовая аппаратура, мебель и помещения, одежда и спортивные принадлежности, — которые служат более или менее удачной материализацией стиля жизни доминирующих классов и приобретение которых предполагает форму признания доминирующих ценностей в этике или эстетике, ничто не подходит более, чем склонность продавать свои добродетели, свою уверенность, свои собственные ценности под видом этического снобизма, для подтверждения единичности экземпляра, который содержит в себе приговор всем другим способам быть или делать. Эта склонность особенно предписывается, поскольку она включает в себя комбинацию доброй воли, являющейся условием начинания, и чистой совести в качестве вознаграждения, когда дело касается обращения в свою веру народных классов, и того, чтобы вовлекая их в гонку, принудить их к последнему «крику» буржуазных приличий, к последней моде или к последней морали. Такое «обращение» прибегает для подавления «репрессивных» диспозиций народных классов к такому же недостойному убеждению, что и буржуазия в прошлом вкладывала в подавление их непреодолимой сверхтерпимости и непреодолимой невоздержанности.

В области политики этическая капитуляция перед доминирующим классом и «ценностями», которые он воплощает, обнаруживается в недовольстве установленным порядком. Это недовольство находит своё основание в ощущении, что мы занимаем не то место, которое нам принадлежит по праву в этом порядке, и подчиняется нормам приличия, предписываемым желаемому классу, в самом споре с этим классом. Так, например, мелкие буржуа, прибегая к своей излюбленной стратегии оборачивания против доминирующего порядка тех самых принципов, которые он провозглашает, говорят о признании, выражаемом ими этим принципам, и следовательно, о признании, которого они должны удостоиваться во имя этих принципов, о своей неутомимой борьбе против скандала и более всего о лицемерии — источнике всех скандалов» которое мешает осуществлению этих принципов. Желание быть социально признанным и предвосхищающая идентификация с доминирующим классом обнаруживают себя в природе требований, которые направляются по-преимуществу на символические аспекты существования. Это происходит не столько потому, что посягательство на достоинство и на уважение «личности» переживается всё более и более болезненно по мере избавления от самых грубых форм эксплуатации и угнетения, но ещё и потому, что сама забота о достоинстве склоняет к требованиям более приспособленным и по форме, и по содержанию подтверждать достоинство того, кто их сформулировал.

Так, например, страх потерять то, что они приобрели, стремясь получить всё, что им было обещано (в частности, через школу и тип диплома), конечно, не объясняет полностью форму, которую принимают стратегии, относящиеся к социальным требованиям мелких буржуа: обычным средствам борьбы рабочих — забастовке или демонстрации, — которые они предусматривают лишь как крайнюю меру, вырванную из их умеренности избытком несправедливости («Если нужно — мы выйдем на улицы»), мелкие буржуа предпочитают символическое оружие и прежде всего — педагогику, которая устанавливает отношения морального господства, или «информирование» — предмет их неистового доверия. Такая особая форма коллективного действия, которую осуществляет ассоциация — строго серийная группировка индивидов, объединённых только одним «делом», одним желанием осуществить в некотором роде этический ультиматум: общественная работа, показная трата «доброй воли», настоящее этическое действие и по-настоящему бескорыстное, не преследующее никакой иной цели, чем оно само, — такая форма коллективного действия наделяет, среди прочих прав, правом приходить в негодование во имя безупречности тех, кто не щадил себя и исполнил полностью свой долг и, особенно тех, кто свершил правое дело, взывающее к признательности [25]. Действие строго «бескорыстное», «чистое», «достойное»; свободное от каких-либо «политических компромиссов» является в действительности условием успеха идеи «институционализации» — наиболее завершённой формы социального признания, которого добиваются в более или менее скрытой манере все ассоциации, являющиеся по-преимуществу движениями мелких буржуа, которые, в отличие от партий, получают выгоды от достоинства и респектабельности идей «всеобщего интереса», полностью позволяя при этом удовлетворять самым непосредственным образом интересы частные [26].

Но если точно занятая в социальном пространстве позиция не связана с выработанными политическими позициями достаточно простыми и непосредственными связями, как те, что наблюдаются в других областях, то не только потому, что индивидуальная и коллективная траектория направляет восприятие социального мира и, в особенности, будущего этого мира посредством опыта, ассоциирующегося с подъёмом или с упадком [27], но ещё и главным образом потому, что вероятность того, что политический «выбор» будет лишь политически слепой реакцией этоса класса, возрастает по мере перехода к более старшим возрастным группам, к более мелким единицам поселения или по мере снижения в иерархии по уровню образования или социальному положению, и является ощутимо более сильной у женщин, чем у мужчин. Несмотря на то, что такая реакция реже отмечается у рабочих (более «политизированных»), чем у земледельцев или малых предпринимателей, заражение политики моралью не минует и народные классы. Действительно, кто в зависимости от возраста (пожилые), половой принадлежности (женщины), места поселения (сельская местность) и, соответственно, их рабочей среды (работники мелких предприятий), более подвержен опасности социального упадка, падения или повторного падения в субпролетариат и, одновременно, менее образован и политически ограничен, и следовательно, менее склонен и подготовлен воспринимать проблемы и ситуации через политические категории перцепции и оценивания, у тех ничто не противодействует склонности к пессимизму, даже к озлоблению, которое склоняет к обобщённому отторжению «политики» и «политиков», какими бы те ни были, а через это к абсентеизму или к консерватизму.

Можно предположить, что индивиды тем более чувствительны к эффекту экрана (или извращённой контекстуализации), который оказывают группы на локальной основе (а также поля), то есть что они более ориентированы брать в качестве точки отсчёта для оценки занимаемой ими в социальном пространстве позиции социальное подпространство на географической основе (деревня, группа деревень и тому подобное), чем более эти индивиды лишены свойств, которые определяют шансы на доступ к мнению или к средствам его конструирования (как, например, чтение ежедневных центральных газет).

Доминирующие в пространстве, являющиеся в целом доминируемым (как те, кто имеет собственность в 50 гектаров земли в регионе мелких хозяйств, местные нотабли, мастера и другие), могут таким образом совершать политический выбор, напрямую связанный с выбором доминирующих («за деревьями леса не видно») [28]. Такая же логика, несомненно, прослеживается до определённой степени в том, что конторские служащие, расположенные на самой нижней ступени иерархии административных- работников и средних классов, голосуют с большим уклоном влево, чем мастера, которые располагаются на вершине рабочего класса. В более общем виде можно предположить, что при прочих равных и какой бы ни была позиция этих полей в социальном пространстве, доминирующие в относительно автономном поле имеют более значительную склонность голосовать «правее», чем доминируемые в «сообщающемся» поле, а доминируемые во всех полях — более выраженную склонность голосовать «левее», чем соответствующие доминирующие.

Примечания

1 Поле художественного производства, как и другие поля, постоянно разграничивается на поле возможных художественных позиций.

2 Это очень общее отношение наблюдается, — как это видно в области художественной компетенции — там, где субъективные устраниения («это меня не интересует» или «это не для нас») являются ничем иным, как объективным устраниением.

3 Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. // Маркс К., Энгельс Ф Соч. Том 3. с. 393.

4 Энгельс Ф. Анти-Дюринг. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Том 20. — с. 199.

5 Если согласиться с уравнением Маркса, которое он предлагает в «Немецкой идеологии», «язык есть действительное, практическое сознание» (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Том 3. — с. 23).

6 Об историческом генезисе философии «invisible hand» (невидимой руки) и её функции в экономическом и политическом мышлении можно прочесть у Альберта Хиршмана: см. Hirschman. The Passions and the Interests, Political Arguments for Capitalism before its Triumph. — Princeton, New York, Princeton University Press, 1977.

7 SOFRES. La France, l'Algerie et le Tiers Monde, fevrier 1971.

8 Связь между безразличием и неспособностью была замечена различными исследователями, например: Riesman D., Glazer N. *Criteria for Political Apathy*. // Gouldner A. W. (ed.) *Studies in Leadership*, New York. / Russel and Russel, 1965, p. 505–559; Kris., Leites N. *Trends in twentieth Century Propaganda*, Roheim G. (ed.) *Psychoanalysis and the Social Sciences*. — New York, IUP, 1947. — p. 400.

9 Заслуга приводимого анализа в том, чтобы показать, как, ставя акцент на доминирующих субъектах («великих людях») или на персонализированных общественных объединениях, школьная история распространяет харизматическую философию истории, которая не имеет никакого значения для социальных интересов и конфликтов между антагонистическими группами, и которая обращается скорее к моральным оценкам, чем к критической рефлексии над историческими процессами и их социальными условиями.

10 Нередко требования личного блага (вечерние курсы или послушание вышестоящим) входят в конфликт с требованиями общественного блага (участием в профсоюзной деятельности и т. п.) по практическим соображениям или потому, что они руководствуются двумя совершенно противоположными точками зрения на социальный мир. Кампании по переподготовке кадров или по повышению квалификации (прохождение внутренних конкурсов и т. п.) не имели бы позитивного эффекта, сравнимого с техническим перевооружением, если бы они не обеспечивали поддержку институций и социального порядка.

11 Следует здесь упомянуть о целой серии статей и выступлений приверженцев «медицинского порядка» в защиту единичности медицинского акта, свободно исполненного свободным (и одиноким) человеком, или о недостойных протестах, которые вызвали у защитников университетского порядка требования признания коллективных работ. [Здесь: намёк на события Мая 1968 года и появление организации «L'Ordre des medecines». — Прим. пер.].

12 Эта посылка, имеющая свой эквивалент в эстетическом плане, как мы это уже видели, является частным случаем более общей посылки, согласно которой склонность и способность давать вербальную или практическую оценку своей позиции в зависимости от эксплицитных принципов, подчинять её как таковую преднамеренной систематизации (причём этические, эстетические и политические суждения в большей степени, чем суждения, идущие от этоса) возрастают вместе с образовательным капиталом. Эта связь образуется по меньшей мере настолько же условиями существования, необходимыми для приобретения этого капитала, насколько и действием специфических возможностей, которые обеспечивает образовательный капитал.

13 Чтобы раскрыть аналогию между опросом общественного мнения и голосованием, нужно проанализировать помимо философии политики, которая вписана в сами вопросы, философию, содержащуюся в методах анализа (и, в частности, в логике простого агрегирования статистических данных). Таким образом, можно было бы увидеть, что опрос общественного мнения никогда не был столь бли-зок к истине, чем тогда, когда стремясь предсказать результаты выборов, проводят предварительное, смоделированное в опросе голосование (*simulacre de vote* — фр.).

14 Достаточно заметить, что выбор на двух уровнях наблюдается достаточно часто в области вкуса, где, как это было уже неоднократно показано, потребители выбирают единицу продукта или сеть распределения (магазин, театр, радиостанцию и т. п.), и через этот выбор, они выбирают предлагаемые продукты; иначе говоря, когда потребители не делегируют прямо и непосредственно выбор доверенным лицам в области эстетики (например, декораторам, архитекторам и прочим продавцам эстетических услуг), которые играют в сфере вкуса роль достаточно сходную с ролью партии.

15 Иначе говоря, принадлежность или явная политическая преданность — это не рядовой: фактор, действие которого можно изучать, как, например, изучают действие половой, возрастной или профессиональной принадлежности. Собственно политические принципы функционируют как относительно автономные факторы по отношению к экономическим и социальным детерминантам, позволяющим формировать мнения и практики, противостоящие непосредственному личному интересу (хотя приверженность политическим принципам не является независимой от этих детерминант).

16 Следовательно, не случайно доверенность (или поддержка), которая является условием доступа к. политическому мнению для тех, кто лишён инструментов производства «личного мнения», есть одна из более или менее сознательно замаскированных целей консервативного или «революционно-консервативного» мировоззрения.

17 Как производители речей на свой счёт, интеллектуалы всегда стремятся испросить у инстанций, претендующих на монополию легитимного производства символических благ, как то церковь или партии, право на самоуправление мнением (На этом основании экологическое движение, которое отказывается руководствоваться «свойствами» голосующих за них избирателей, не признавая одну из привилегий аппарата, представляет собой утопию, осуществлённую партией интеллектуалов).

18 См., Например, Michelat G. Simon M. Categories socio-professionnelles en milieu ouvrier et comportement politique. // «Revue française de sociologie», XXV. 2. 1975 avril. — p. 291-31. Классификация, применяемая авторами как для социально-профессиональных категорий, так и для политических мнений (сведённых к очень обобщённым категориям и без каких-либо модальных указаний), не позволяет явным образом противопоставить прочно утвердившуюся мелкую буржуазию с её привязанностью к классическим политическим организациям (несмотря на то, что следствия утраты классового положения (деклассирования) порождают у них также новые виды требований и формы борьбы) и новую мелкую буржуазию, которую нужно узнавать во всех новых политических формах — от гошизма до экологии через Объединённую социалистическую партию и новые течения в Партии социалистов — и во всех лозунгах в стиле участия в управлении и самоуправления, способных удовлетворять надежды на автономию и на личный суверенитет мелких буржуа с интеллектуальными претензиями. Во всяком случае, можно заметить, что среди всех категорий, находящиеся в центре пространства медико-социальные службы (+28) располагаются ближе к полюсу, обозначающему промышленников, тогда как техники более склоняются к полюсу «шахтёры»; средние управленческие кадры (+14) и служащие в торговле (+16) занимают промежуточную позицию, также как и ремесленники (+13), инженеры (+19) и земледельцы (+20).

19 В то время как парижские газеты по возрастающей выделяют место публикациям по международным делам, происшествиям и спорту: 14,8% — 8,8% — 8,9%, в провинциальных газетах эта пропорция обратная — соответственно: 7,9% — 8,4% — 16,5% (См., например: Kayser J. Les quoezdies français. Paris: Armand Colin, 1963. — p. 125-127). Можно предположить, что различия были бы ещё заметнее, если отделить общенациональные газеты, которые дают под происшествия и спорт место сравнимое с провинциальными газетами (это случай, например, газеты «Паризьен»), от тех общенациональных газет, чья публика рекрутируется в основном из доминирующего класса, как в «Фигаро» и в «Монде».

20 Исследование рынка — одно из оружий в этой борьбе: в том смысле, что оно позволяет продемонстрировать «проницательность» газеты в глазах рекламодателей, от которых исходит более или менее важная часть их финансирования; оно значительно больше, чем инструмент познания, позволяющий лучше узнать и лучше удовлетворить ожидания читателей.

21 В противоположность тем газетам и еженедельникам, которые исключаются как слишком «отмеченные» местами, где их обыкновенно предлагают читать: в клинике, ожидая приёма врача, или другом общественном учреждении, в кафе, в парикмахерской, — еженедельники-«омнибусы», специально приспособленные к тому, чтобы не пропустить ни одной потенциальной группы читателей («Пари-Матч», «Жур де Франс», «Экспресс»), прекрасно подходят к ситуациям, в которых их как раз просят выполнить эту функцию (так, «Паризьен либере» и «Франс суар» часто играют эту роль в парикмахерских).

22 Нужно ли говорить, что такая оппозиция лежит в самом основании всякого технократического представления, которое признает только за одними просвещёнными управляющими глобальный и тотальный взгляд, относя таким образом личные взгляды простых частных лиц к заблуждению, которое в этой логике, есть потеря?

23 Также как то, что передаётся через биологическую наследственность, безусловно более стабильно, чем то, что передаётся через культурную наследственность, также и классовое бессознательное, внушённое через условия существования, является более стабильной основой производства суждений и мнений, чем эксплицитно установленные принципы, потому, что оно более независимо от сознания.

24 Не следует исключать все по существу смешанные выработанные политические позиции, парадигмой которых является движение «революционеров-консерваторов» донацистской Германии, которые, без сомнения, воспроизводят в своей неопределённости противоречия, присущие бунту против деклассирования (род противоречия в терминах) или противоречия, присущие рассогласованию между индивидуальной траекторией и коллективной траекторией.

25 Такая стратегия очень распространена в межперсональных отношениях и, в частности, в «экономике» домашних обменов, когда безупречность, полученная в результате оказанных услуг, позволяет становиться живым укором.

26 Всё позволяет считать, что мелкие буржуа в тем большей степени опасаются скомпрометировать себя связью с Коммунистической партией: неуместной, слабо чувствительной к их специфическим интересам и, главным образом, плохо относящейся к морализаторской, назидательной и туманно гуманистической фразеологии, которой сами мелкие буржуа охотно сознаются («ценности», «расцвет», «взять на себя», «выдвинуть», «ответственный», «партнёр», «заинтересованный» и т. п.), — чем сильнее поощрялись, начиная с детских лет, их забота о собственном достоинстве и их индивидуалистическая осторожность, с одной стороны — более благоприятными условиями жизни и, с другой, — более насыщенным религиозными ценностями начальным воспитанием, склоняющим к персонализму. Такие результаты выработки «условного рефлекса» или «вдалбливания в голову» тем более вероятны, чем из более высокого социального слоя вышли мелкие буржуа, и, следовательно, такие результаты могут быть удвоенными эффектами нисходящей траектории. Можно также предположить, что они пошли бы за Объединённой социалистической партией и всем тем, что в ней есть одновременно протестующего и благопристойного, оспаривающего и морального, если бы она была не так открыто революционна или, если, взявшись за ум, она пришла бы к обращению в партию правительства (что похоже на сегодняшнюю ситуацию с технократическо-модернистской тенденцией в Партии социалистов). Но мелкие буржуа также легко сознаются и в реформаторском и «интеллигентном» консерватизме. Короче говоря, они балансируют и в период кризиса могут резко покачнуться в обратную сторону.

27 Для того, чтобы понять политические практики и мнения пожилых людей, нужно принимать в расчёт не только эффект пенсионера, который с выходом на пенсию оторвался от своего профессионального окружения, ослабил свои социальные связи и стремится сократить коллективное давление и поддержку, но учитывать ещё и, главным образом, эффект социального спада, который оказывается тем более сильным и особенно тем более резким, чем к более обездоленному классу он принадлежал, и который, без сомнения, может пониматься по аналогии с эффектом, который нисходящие социальные траектории оказывают на индивидов или группы.

28 Унификация экономического и символического рынка и соответствующее ослабление автономии социальных пространств на локальной основе стремится благоприятствовать «политизации» земледельцев, которые, попадая во всё большую зависимость от экономических механизмов и политических решений, имеют всё большую выгоду интересоваться политикой. Если «политизация» и не соответствует с необходимостью, как у рабочих, ориентации «влево», то, тем не менее, реальная возможность такого выбора появляется, а сам консерватизм принимает совсем другой смысл.

Версия #2

Зверобой создал 16 января 2026 20:15:24

Зверобой обновил 18 января 2026 03:59:07